

Отравленный пояс

Автор:

[Артур Дойл](#)

Отравленный пояс

Артур Конан Дойл

Профессор Челленджер #2

Повесть «Отравленный пояс» является продолжением знаменитого романа «Затерянный мир». Профессор Челленджер объявляет своим друзьям о новом открытии: Земле грозит неминуемая катастрофа! Скоро всё живое на планете погубит отравленный эфир. Нужно что-то предпринять для спасения миллиардов жизней, и как можно скорее...

Артур Конан Дойл

Отравленный пояс

Глава I

Линии помутнели

Да, я обязан теперь же, пока события еще свежи в моей памяти, изложить их с тою точностью деталей, которую время может затемнить. Но, приступая к исполнению своего настоящего долга, я в изумлении останавливаюсь перед тем чудесным фактом, что именно нам четверым, героям «Затерянного мира» – профессору Челленджеру, профессору Саммерли, лорду Джону Рокстону и мне, – довелось пережить это удивительное приключение.

Несколько лет тому назад, когда я печатал в «Дейли-газетт» отчет о нашем эпохальном путешествии в Южную Америку, я никак не думал, что мне когда-нибудь выпадет на долю рассказать по личному опыту о еще более странном событии, единственном в летописях человечества, о событии, которое будет стоять в памяти истории как некая великая вершина среди скромных соседних холмов. Само по себе событие будет всегда казаться чудом, но обстоятельства, которые свели вместе нас четверых ко времени этого необычного происшествия, складывались самым естественным образом. Постараюсь рассказать о них как можно короче и ясней, хоть я и понимаю, что в данном случае читатель был бы рад каждой лишней подробности, потому что любопытство людское поистине ненасытно – было, есть и будет.

В пятницу, двадцать седьмого августа – навеки памятная дата мировой истории, – я зашел в редакцию своей газеты и попросил мистера Мак-Ардла, который и по сей день ведет у нас отдел «Последних новостей», дать мне трехдневный отпуск. Добрый старый шотландец покачал головой, поскреб чухлую рыжую бородку и облек наконец свой отказ в такие слова:

– В эти дни, мистер Мелоун, я, напротив, особенно на вас рассчитываю. Видите ли, тут у нас подвернулось такое дельце, что только вы один и можете обделать его как надо.

– Прошу меня извинить, – сказал я, стараясь не выдать разочарования. – Раз я нужен, то, конечно, вопрос исчерпан. Но мне надо съездить по одному очень важному личному делу. Так что если можно меня освободить...

– Боюсь, никак нельзя.

Было очень обидно, но пришлось сделать веселое лицо. В конце концов пенять мне было не на кого, кроме как на себя самого, – уж мне ли не знать, что журналист не вправе располагать собой!

– Значит, из мыслей вон! – сказал я со всей веселостью, какую успел напустить на себя при таком решительном отказе. – Что же вы надумали мне поручить?

– Я хочу послать вас в Ротерфилд взять интервью у этого дьявола во образе человеческом.

– Вы не о профессоре ли Челленджере? – воскликнул я.

– О нем, а то о ком же? На той неделе к нему явился Алек Симпсон из «Курьера», так он схватил беднягу одной рукой за шиворот, другой за штанину и волочил его таким манером целую милю по большой дороге. Можете почитать об этом в полицейском протоколе. Наши ребята скорее сунутся брать интервью у сбежавшего из клетки крокодила. Но на вас я смело могу рассчитывать: вы же с ним старые друзья.

Я вздохнул с облегчением.

– Отлично, – сказал я. – Все разрешилось само собой. Ведь я для того и просил у вас отпуск, чтобы съездить в Ротерфилд к профессору Челленджеру. Сегодня третья годовщина нашего главного приключения там, в горах, вот он и пригласил к себе всех участников отпраздновать с ним этот день.

– Великолепно! – воскликнул Мак-Ардл, потирая руки, и его глаза просияли за стеклами очков. – Значит, вам нетрудно будет выведать, что он думает на самом деле. Заяви это не он, а кто другой, я сказал бы, что это бред сумасшедшего, но профессор уже однажды показал себя, так что – кто знает? – может быть, он все-таки прав.

– Что же надо у него выведать? – спросил я. – Чем он занимался последнее время?

– А вы не читали сегодня в «Таймсе» его письмо под названием «Предвидения науки»?

– Нет.

Мак-Ардл нырнул под стол и поднял с пола газету.

– Прочтите вслух, – сказал он, указывая пальцем столбец. – Я охотно послушаю лишний раз, а то я не совсем уверен, что правильно понял.

Вот что я прочел редактору отдела «Последних новостей» нашей «Дейли-газетт».

ПРЕДВИДЕНИЯ НАУКИ

– «Сэр! С любопытством, не свободным от примеси некоторых менее лестных чувств, прочел я появившуюся недавно на столбцах вашей газеты самодовольную и совершенно бессмысленную статью Джеймса Уилсона Мак-Фэйла по поводу помутнения фраунгоферовых линий в спектрах как планет, так и неподвижных звезд. Автор статьи отмахивается от этого обстоятельства как от чего-то незначительного. Но более широкому уму оно должно представиться явлением чрезвычайно важным, возможно, несущим гибель всем и каждому человеку на нашей планете. Вряд ли я могу надеяться, что если прибегну к языку науки, меня хоть сколько-нибудь поймут те безмозглые люди, которые черпают свои представления со столбцов газет. Поэтому я попытаюсь снизить к их ограниченному кругозору и обрисовать положение посредством простой аналогии, которая не выходила бы за пределы понимания ваших читателей».

– Не человек, а чудо – живое чудо! – сказал Мак-Ардл и задумчиво покачал головой. – Он, кажется, способен взбесить голубенка, перессорить квакеров на молитвенном собрании! Не удивительно, что Лондон к нему нетерпим. А жаль, мистер Мелоун, такой великий ум! Послушаем, однако, его аналогию.

– «Вообразим, – читал я дальше, – что маленькая связка пробок, подхваченная ленивым течением, совершает плавание по Атлантическому океану. Пробки день за днем тихо плывут в одних и тех же условиях окружающей среды. Нам нетрудно представить себе, что эти пробки, будь они наделены способностью мышления, считали бы эти условия надежными и неизменными. Но мы-то, обладая более широкими познаниями, понимаем, что с пробками может случиться много такого, что их весьма удивило бы. Они могут натолкнуться на корабль или на сонного кита, могут запутаться в водорослях. А нет, так их плавание кончится, вероятно, тем, что их выбросит прибоем на скалистый берег Лабрадора. Но что они знают обо всем этом, пока мирно изо дня в день плывут по океану, который они полагают безграничным и однородным?»

Ваши читатели, может быть, сообразят, что под Атлантикой в моем иносказании разумеется тот могучий океан эфира, по которому мы плывем, а связка пробок изображает маленькую, безвестную планетную систему, к которой мы принадлежим. Третьеразрядное солнце с горсткой увязавшихся за ним ничтожных спутников, мы несемся в тех же повседневных условиях к неведомому концу, к жалкой катастрофе, которая настигнет нас у последних пределов пространства, где нас сметет в какую-нибудь эфирную Ниагару или выкинет на какой-нибудь немыслимый Лабрадор. Я здесь не вижу места для плоского и невежественного оптимизма вашего корреспондента мистера Джеймса Уилсона Мак-Фэйла и, напротив, вижу достаточно оснований с самым напряженным и заинтересованным вниманием следить за всяким показателем перемены в нашем космическом окружении, от которой, возможно, зависит и наша конечная судьба».

– Ого! Из него вышел бы знаменитый проповедник! – сказал Мак-Ардл. – Гремит, как орган. Посмотрим-ка дальше, что там его смущает.

– «Общее помутнение и сдвиги фраунгоферовых линий спектра указывают, по моему мнению, на космическую перемену широкого охвата и очень тонкого и необычного свойства. Свет планеты является лишь отраженным светом солнца. Однако в данном случае спектры и планет и звезд – все претерпели одинаковое изменение. Можно ли допустить, что произошла перемена в самих планетах и звездах? Для меня такая мысль неприемлема. Какое общее изменение могло произойти одновременно во всех небесных телах? Допустим, перемена произошла в нашей земной атмосфере. Это возможно, но до крайности невероятно, поскольку мы не наблюдаем вокруг себя никаких признаков чего-либо подобного, да и химический анализ также ничего не обнаруживает. Есть ли третья возможность? Да, есть: перемена в проводящей среде, в том бесконечно тонком эфире, что простирается от звезды к звезде и пронизывает всю вселенную. В глубинах этого океана нас несет тихое течение. Разве не может течение увлечь нас в новые пояса эфира, обладающие свойствами, каких мы до сих пор себе не представляли? Где-то произошла перемена. О том свидетельствуют нарушения в спектрах всех небесных тел. Перемена может оказаться доброй. Может оказаться дурной. Может оказаться и нейтральной. Мы не знаем. Наивные наблюдатели думают, что происходит нечто, чем спокойно можно пренебречь; но кто, подобно мне, наделен более глубоким прозрением истинного мыслителя, тот понимает, что вселенная таит непостижимые возможности и что среди людей мудрейший тот, кто всегда готов

к неожиданному. Чтобы не ходить далеко за примером: кто, спрошу я, посмел бы утверждать, что вспышка загадочной эпидемии среди туземцев Суматры, отмеченная сегодня в утреннем выпуске вашей газеты, не стоит ни в какой связи с некими космическими переменами, к влиянию которых жители Суматры оказались более восприимчивы, нежели народы Европы с их более сложной культурой? Я не склонен переоценивать свою идею. Настаивать на таком объяснении было бы сейчас столь же бессмысленно, как и отвергать его, но только самый узколобый дурак в своей непрошибаемой тупости не поймет, что оно лежит в пределах научного предвидения.

Преданный вам Джордж Эдуард Челленджер. Ротерфилд, „Терновник“».

– Превосходное, очень обнадеживающее письмо! – сказал Мак-Ардл с видом глубокой задумчивости и принялся вправлять сигарету в длинную стеклянную трубку, заменявшую ему мундштук. – Ваше мнение, мистер Мелоун?

Пришлось признаться в своем позорном невежестве: предмет спора мне совершенно незнаком; что такое, например, фраунгоферовы линии? Мак-Ардл, сам лишь недавно приступивший к изучению вопроса под руководством нашего доморощенного редакционного физика, достал из ящика две разноцветные спектральные таблицы, как нельзя больше похожие на кокарды какого-нибудь новоиспеченного и тщеславного крикетного клуба. Он разъяснил мне, что на спектрах видны черные полосы, рассекающие яркий ряд тонов, постепенно переходящих от красного на одном конце – через все оттенки оранжевого, желтого, зеленого, голубого и синего – в фиолетовый на другом.

– Эти темные полосы называются фраунгоферовыми линиями, – сказал Мак-Ардл. – Цветное – это самый свет. Свет – любой – если его преломить через призму, дает одни и те же цвета. Они нам ничего не говорят. В счет идут только черные линии, потому что они меняются в зависимости от того, что является источником света. За последнюю неделю эти линии из четких стали мутными, и астрономы завели спор, давая каждый свое объяснение. Вот фотоснимок помутневших линий для нашего завтрашнего выпуска. Публика пока не проявляла к ним особенного интереса, но, я думаю, письмо Челленджера в «Таймсе» должно ее всполошить.

– А при чем тут Суматра?

– Конечно, какая связь между помутневшей линией в спектре и больным туземцем на Суматре? Однако этот молодчик уже однажды доказал нам, что он не любит бросать слова на ветер. Там свирепствует какая-то странная болезнь, это вполне достоверно; а сегодня из Сингапура сообщают, что на берегах Зондского пролива выбыли из строя маяки, вследствие чего два парохода сели на мель. Во всяком случае, хорошо бы вам порасспросить Челленджера. Если добьетесь от него чего-нибудь определенного, дайте нам подвальчик к понедельнику.

Выходя из редакторского кабинета, я обдумывал свое новое задание, когда внизу в приемной громко прозвучало мое имя. Почтальон принес телеграмму, пересланную в редакцию из моей квартиры в Стритеме. Телеграмма была от того самого человека, о котором только что шла у нас речь, и гласила следующее:

«Стритем, Хилл-стрит, 17. Мелоуну. Привезите кислород. Челленджер».

«Привезите кислород!» Профессор, насколько я помнил, обладал слоновым чувством юмора, проявлявшимся порой в несуразных дурачествах. Может быть, эта телеграмма – одна из тех тяжеловесных шуток профессора, которые ввергали его самого в припадок буйного смеха, когда глаза исчезают и лицо превращается в сплошной разинутый рот и трясущуюся бороду; причем его нисколько не смущало, что никто вокруг не смеется. Я снова и снова перебирал слова телеграммы, но не находил в них ничего, хотя бы отдаленно похожего на шутку. Нет, они звучали как четкое распоряжение, хотя и очень странное. Челленджер был для меня тем самым человеком, чьим прямым приказом я никак не захотел бы пренебречь. Может быть, он подготовлял какой-нибудь химический опыт, может быть... Но не мое это дело рассуждать о том, зачем профессору понадобился кислород. Он требует – я должен это достать. До отхода поезда с вокзала «Виктория» у меня оставалось около часа времени. Я взял такси и, разыскав в телефонной книжке адрес, отправился на Оксфорд-стрит, в «Бюро поставки кислорода».

Когда я остановился на тротуаре у входа в Бюро, из подъезда вышли два молодых человека. Они тащили металлический баллон и не без труда погрузили его на ожидавший тут же автомобиль. За ними семенил пожилой господин, который поругивал их скрипучим, язвительным голосом и давал свои указания.

Он обернулся ко мне. Нельзя было не узнать это постное лицо и козлиную бородку. Передо мной стоял мой старый товарищ по путешествию, вечный спорщик, профессор Саммерли.

– Как! – воскликнул он. – Вы скажете, что и вы получили дурацкий заказ на кислород?

Я показал телеграмму.

– Ну и ну! Я получил такую же и, как видите, наперекор здравому смыслу исполняю поручение. Наш милый друг, как всегда, ведет себя самым недопустимым образом! Не мог же человеку так безотлагательно потребоваться кислород, чтобы надо было отказаться от общепринятых способов покупки и отнимать время у деловых людей, занятых не менее, чем он. Почему он не заказал прямо в конторе?

Я робко высказал предположение, что профессор, вероятно, нуждается в кислороде немедленно.

– Или вообразил, что нуждается, а это не совсем одно и то же! Но вам теперь ни к чему покупать баллон, раз я везу достаточный запас.

– Однако профессор по каким-то причинам желает, по-видимому, чтобы я тоже привез кислород. Спокойней будет исполнить его просьбу в точности.

Итак, невзирая на воркотню и попреки Саммерли, я купил еще один баллон, который погрузили в автомобиль рядом с первым, так как Саммерли предложил подвезти меня на вокзал в своей машине.

Я отошел, чтоб отпустить такси, и водитель, почтя себя обиженным, долго со мной пререкался из-за оплаты. Когда я вернулся к Саммерли, профессор вел яростную перепалку с грузчиками, тащившими кислород, причем его белая козлиная бородка дергалась от негодования. Помнится, один из грузчиков обозвал его «безмозглым старым попугаем»; тогда профессорский шофер в бешенстве выскочил из кабины, чтобы вступить за честь своего хозяина, и нам едва удалось избежать уличного скандала.

Эти мелочи покажутся, пожалуй, слишком обыденными, чтобы стоило на них останавливаться, и в то время они так и прошли как пустяковые инциденты. Только теперь, оглядываясь на прошлое, я понимаю их связь со всем, о чем я должен рассказать.

Был ли шофер новичком, как мне показалось, или его разволновала ссора, но только вез он нас на вокзал из рук вон плохо. Мы дважды едва не столкнулись со встречными такими же взбесившимися авто, и, помню, я сказал профессору, что искусство водителей в Лондоне заметно снизилось против обычной нормы. Один раз мы врезались в большую толпу, следившую за дракой на углу Пэл-Мэл. Поднялся крик, возбужденные зрелищем люди злобно орали на неумелого шофера, а какой-то господин вскочил к нам на подножку и замахнулся на нас тростью. Я спихнул его, но мы были куда как рады, когда избавились от преследователей и благополучно выбрались оттуда. Следуя одна за другой, эти мелкие неприятности взвинтили мне нервы, и по раздерганым движениям моего спутника я видел, что и его терпение истощено.

Но к нам сразу вернулось доброе расположение духа, как только мы увидели маячившую на перроне высокую и худощавую фигуру лорда Джона Рокстона, облаченную все в тот же темно-желтый, добротной шерсти охотничий костюм. Резкое лицо нашего друга с яростными и добродушно-насмешливыми глазами загорелось радостью при нашем появлении. В его рыжих волосах уже пробивалась седина, и резец времени углубил морщины на его лбу, но в остальном он показался мне прежним лордом Джоном, добрым товарищем наших прошлых дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/ru/artur-doyl/otravlennyy-poyas>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)